

Тихая вода прихвачена лунным серебром и льнёт к сонному хутору. Изредка залётный ветерок нагоняет морщинистую рябь у дощатых мостков, и пристальному взору река начинает казаться живой.

Вниз по течению за редкие вербы зацепился звёздный ковш да так и повис, черпая русалочью тайну дальнего омута. Плесканула хвостом литая рыбина. Низкий берег будто припал к реке и не может оторваться от ломотной влаги.

Наверху темны и только представляемы полынные бугры, охлёснутые крутым дорожным спуском. Но вот на сходе с Млечного Пути замелькал невнятный поначалу, а потом всё более явственный огонёк. И хотя это выворачивает встречную непроглядность лишь дальний свет запоздалых фар, разве не хочется до сердечного сбоя вообразить огненную пляску степного костра?

Потому как нельзя человеку без путеводного и влекущего света и тепла. Равно и других обозначений заведённого искони мироустройства на твоей единственной земле. Сиюминутные посулы способны заарканить, увести за собой, но не более того.

И лишь одно признание огня, воды, небесной и земной тверди высшими знаками даёт смысл нашему существованию. Отсюда суть их повтора в нас самих уже на душевном уровне. Как бы жить в согласии со своей совестью и при этом не затеряться в отнюдь несовершенном мире? Вот о чём вопрошается такими лунными ночами.

Точно эхом этих мыслей со стороны острова раздаётся трубный и печальный голос одинокой птицы – то ли сочувствует, то ли взывает... Люди и *потом* не уходят оттуда, где им выпало отметить праведной жизнью: они, незримые, остаются и деяниями, и продолжением в нас.

А как вот с *теми*, кто задуман и возник волей и талантом? Они также определённо пребывают здесь – живы навсегда, и потому жив их создатель.

Много чего довелось повидать и испытать Анатолию Калинину к своим тридцати годам. Смолоду его обурежала жажда жизни, и он дерзко замысливал высокие цели, рвался к их достижению. Калинин едва ли не с детства поверил в силу Слова, и эта вера вела его по кругу совести и долга.

Тогда, в первый послевоенный год, был сделан главный выбор. Несчётное число корреспондентских и житейских путей-дорог привели к давно желаемому берегу.

Хутор Пухляковский – обетованная земля. Отныне Анатолий Калинин и Дон всегда нераздельны. Река стала рекой его судьбы.

Что биографические данные для писателя?! Это внешнее, куда важнее работа души. Калинин удивительным образом сочетал в себе слиянность с окружающим миром, когда тот постигаем во всех своих светлых и тёмных проявлениях, и бессонное затворничество над рукописью, чьи страницы сочетают мысль и образ.

Прологом почти всех его произведений было нечто реальное, порой даже малозаметное. Произшедший случай, оброненное слово, запоминающаяся деталь... Это хранилось в памяти, и в урочный час возникало необъяснимое состояние, начинало работать творческое воображение.

Такое с ним случалось всегда: реальность вела к вымыслу. Сотворяемый мир населялся людьми и похожими, и непохожими на тех, кого довелось встретить, узнать, кто тоже знал и его. Порой хватало лишь внешнего толчка, чтобы возникло под пером то, чего не было, но что могло быть. И что уже потом отпечатывалось в читательском сознании как существовавшее или существующее на свете.

На фронте Калинин знал одного разведчика-цыгана, причём отдалённо, никак не пересекаясь с ним. Потом, уже в Пухляковке, осела на недолго и колобродила шебутная цыганская семья. Вроде бы даже кого-то звали Будулаем... Всё! Больше никакого фактического материала не потребовалось писателю для создания знаменитого романа.

Дорожная карта Будулая стала символом чести и совести. Эти, увы, забываемые ныне понятия, роднимые с заповедями, ведут героя романа кругами прошлого, настоящего да и будущего. Правда Будулая – правда Калинина, поверяемая фронтовым братством. Лгать нельзя ни ближним, ни самому себе.

Если относить сказанное к Анатолию Калинину, то, пожалуй, во всей русской литературе последнего времени другого такого писателя, совместившего удивительным образом свою жизнь и творчество, вряд ли найти. Речь о том, что он жил как писал и писал как жил.

Принято полагать: творческий процесс – неуправляемый процесс. А ведь ещё Александр Сергеевич разве не указывал на гар-

монию? Так вот, Калинин гармоничен во всех своих деяниях, что достаточно проявлено в самих произведениях – от романов до стихотворения на восемь строк.

Да и житейский уклад был сообразен главному занятию хозяина хуторской усадьбы на донском берегу. Калинин своими руками делал по её устройству всё то, что даже присниться не могло иному заезжему столичному коллеге по перу. И если спасал умирающие корни винограда, то сам же умел сформировать для его выращивания знаменитую «донскую чашу». Тогда солнцем напитывается каждая ягода, и урожайные корзины неподъёмны.

Когда Калинин описывает житейско-быт писателя Михайлова, то не лукавит. В ту пору, действительно, и самому Анатолию Вениаминовичу приходилось быть защитником униженных и оскорблённых. Его авторитет помогал хуторянам в трудных обстоятельствах. Да и потом, депутатствуя долгие годы, писатель был главной властью в округе.

Всякое случалось. Когда страна накренилась и пошла под откос, Калинин тяжело переживал трагичность происходившего. Но был неуступчив в своей вере. Его травили вслед за Шолоховым. Помню, при попиравшей святыни гласности пытались «захлопать» на трибуне в Кремле во время писательского съезда, но, как потом сам же он и шутил, «усидел казак в седле».

А забыть ли, когда по команде сверху ополчились на писателя завистники, пеняя ему на партийность и попрекая за отзывчивость на беды хуторян? До суда дело дошло. Ездил в районный Усть-Донецк и отстоял свою честь на склоне лет. Только горько об этом говорить...

Тайна писательского творчества? Она имеет место быть – никем неразгаданная. Можно только попытаться приблизиться к ней. Состворённые в мезонине калининского дома книги являют собой всего лишь завершение той невидимой работы, что шла денно и ночью в душе писателя. И когда на любом снимке Калинина отмечаешь его глаза, то понятно: он и прилюдно думает о своём, хотя вроде бы здесь, с нами. Таков дар свыше, Божья отметина.

Однажды я осмелился представить, как может происходить явление художественного порядка в его сердце. И рискнул отметить предисловием к книге «Дом, где живёт любовь», уникальность которой в том, что под одной обложкой сошлась вся писательская семья Калининых. Я пытался написать не в рамках привычного в таких случаях, а вольно, повинувшись своей любви к писателю. Он принял мой текст и расписался на вёрстке в знак одобрения для издательства. Что может быть дороже! Далее прибегну здесь к тому читанному Калининским эссе «Пухляковский Спас», не исправив ни единого слова.

Гроза шла на хутор. Темнело.

Писатель уже какой день мучительно искал Слово. Вот и сейчас, когда сильный ветер прорывался сквозь деревья к дому, он шагнул от плахи стола к распятию окна. Напряжениеи грозы передалось и ему. Заболело сердце. Только где искомое?.. Впору сомневаться, а ну как ищет впустую – слишком уж привередлив, ищет невесть чего.

Взметнулась молния и, как цыганский кнут, стеганула с громовым потягом упряжку вороных туч. Грузная повозка низкого неба, кренясь между суглинистыми ярами, тянулась к верховью. Оброненные вожжи косога дождя сбивали белопенные цветы зеленоватых волн.

Всё это писатель привычно отмечал зрением и слухом, сам же был захвачен другим – искал Слово.

Никто не поможет, даже Господь Бог, только наедине с собой, только в одиночку... Писатель слыл признанным мастером и хорошо знал, каким должно быть Слово. Искал единственное, отсюда и мучения.

Вскормила писателя газета. Тогда слова находили его сами. Употительно исписывалась страница за страницей. Редакционная машинка – ах, Саша, Сашенька, Александра Юлиановна! – приучала к разборчивому почекрку. Он и по сию пору пишет от руки, благо те же пальцы затем выстукиваю по старинке каждую его букву.

Гроза стихла, дождь перестал.

Захотелось в сад. Ветер, старый знакомец, ждал его здесь, влажный, умиротворённый – не порыв, а дуновение. Заплаканная ветка коснулась лица. Писатель вздохнул и пошёл по тёмным от воды плитам садовой дорожки. Туда, где росли скорбные розы.

Сырая земля пригрелась на солнце. Лёгкая дымка сопровождает его. Дымка была как живая, разговаривала с ним, хотя и без слов. Он отвечал ей на этом странном языке. И даже когда воцарялось молчание душ, неслышимая связь не прерывалась. Дымка то отдалялась, то была у плеча. Ветер оберегал её, не давая исчезнуть. Не так ли парят ангелы?

Писателю стало легче. Боль отпустила, пришло успокоение. Земля и небо, дом и родной ему ангел во плоти, которого в младенчестве он заворачивал в казачью бурку фронтовой поры, – всё теперь сошлось на речном берегу, соединилось в одно, неподвластное жестокому и милосердному времени, и что – нельзя? или можно? – выразить Словом.

Писатель не знал молитвы. Но он умел находить слова. И они становились его молитвой, имели власть над людьми. Не дают та-

кой власти ни сила, ни деньги. Другие, собравшись по цеху, рядились в избранных. Кучковались в центре, служили чёрту. Их сжигала зависть, особенно к таким, кого «призвали всеблагие как собеседника на пир».

Суетное было ему чуждо. Он всегда и всюду искал слова. Роковых минут на долгому веку ему выпало предостаточно. Поистине счастлив без меры – слёз не осталось. Если бы не писательство, как и жить.

Сколько было дорог, а все они связались в один узел, легли у деревянных ворот. Казалось бы, иди вспять по любой. Но есть ли горше путь, чем возвращение к потухшему костру? Горек он невозвратностью бывшего огня. Об этом его книги. Да, возврата нет. Главное в жизни – сама жизнь. Удержать движение под силу только белому листу бумаги да перу.

Явь и вымысел так переплелись, что и не различить их. Иной раз оговаривался, дескать, как поживает тот или другой из его книжных героев. Спыхватывался, видя недоумение собеседника. Теперь Будудай и остальные жили своей жизнью, порой не оставляя ему места в ней. Выход нашёлся. Он стал чаще писать стихи, где как раз и мог выговориться от первого лица. Даже свой знаменитый роман заключил стихотворным послесловием.

Боготворил же писатель вёшенского творца, который возвеличил Тихий Дон, как никто, нигде и никогда другую реку в мире. Кружит злоба над святым прахом, алкая поживы. Писатель по мере сил оберегал покой того, кто назвал его сердце «совестливым».

Вдруг Слово торкнулось в груди. Он вымолвил: «Прости, Наташенька...» И повернул к дому. Лёгкая дымка, словно осеняя его, скользнула вверх.

На крыльце посторонилась Наталья, угадав состояние отца. Он торопился к себе. Работать

А заключительный абзац этого эссе стал повтором нескольких строк, напечатанных тогда же в журнале «Дон» из желания выразить своё трепетное отношение к творчеству Калинина. Анатолий Вениаминович их заметил и, не скрою, рад был душой восприятию его творений как в некотором роде продолжения шолоховской линии в литературе. Не раз в беседах возвращался к самой фразе. И моё желание напомнить эти строки было объяснимо.

«...Сгустится дочерна августовская ночь, и цокот яблочного Спаса в патриаршенском саду по-над Доном, кажется слышен за пухляковскую околицу Неоглядно распахнут Млечный шлях – продление на небе земной дороги бородатого странника, чьё очарование запа-

ло в душу, равно как и мятущийся казачий дух его старшего брата, проскакашего дотолё в этих же степных пределах. Теряется в звёздной пыли кочевая кибитка месяца... Цокот лет – биение сердца».

Хотите постичь писательскую сущность Анатолия Калинина? Читайте написанное, благо его книги издаются и по сию пору. Выходящее на Дону к 100-летию писателя собрание сочинений в 11-ти томах со вступительной статьёй автора этих строк прекрасный тому пример.

Калинин принадлежит к типу творцов высшего порядка, когда произведения создаются на основе образного мышления. Такой писатель не рассказывает, а показывает явленное ему. Создаётся иной мир, но этот мир не параллельный существующему, а совмещаемый с ним. И бывает он порой даже убедительней реальности – такова сила творческого устремления художника.

Не примером ли образцы русской классики? А ведь именно здесь истоки таланта Анатолия Калинина, ведь литературно он образовывался не в учебных заведениях. Писателем сделал себя сам, причём это «деланье» продолжалось всегда, продолжалось до последней точки.

Калинин жил и творил в стороне от литературного шума столиц. Но его голос с хутора у Дона был ещё как слышим! Миллионные тиражи центральных газет, софроновского «Огонька», «Роман-газеты» разносили слово писателя по всей стране. А любимые народные экранизации! Затихали улицы, когда показывали Будулая. И мальчишки играли в него, стегая асфальт самодельным кнутом...

Поражал не просто интерес Калинина, а понимание предмета, что бы там ни обсуждалось с глазу на глаз или прилюдно. Эта черта семейная, от родителей-учителей, от кровно близкого окружения. Газетные же университеты и развили её, и определили на будущее как крайне важную для писателя.

Да, он повествовал о земном, его герои – вот они: были рядом – живые во плоти, искали лучшей доли, любя и страдая... Но почему же так хочется сопереживать им, представлять себя на их месте и с высоты угадываемых судеб подсказать, помочь хотя бы в малом? Ответ в том, что герои одухотворяемы особенностью писательского таланта.

Речь о некоей надмирности, может быть, даже праведности Анатолия Калинина. Это отмечается в той или иной степени всеми. Откуда такое? А не потому ли, что свою душу он питал и музыкой сфер? В этом смысле прекрасно знал русскую литературу – и классику, и современность, не только интересовался, но и вникал в суть.

Его прочтение «Тихого Дона» под стать творчеству самого Шолохова. Преклонялся перед Чеховым, что так заметно в эссе о нём, где Антон Павлович предстаёт по-калински правдиво. Это не рискнули печатать в своё время, и журнал «Дон» сравнительно недавно опубликовал. Между прочим, на донских страницах ещё при жизни писателя увидела свет запрещаемая прежде вторая часть романа «Запретная зона».

Чувства добрые – их пробуждал Анатолий Калинин. И вела его не только русская классическая литература. А музыка, живопись?.. Они были постигаемы им до такой степени, что, не умещаясь в душе, выплёскивались образным строем на страницы книг. Его «Гремите, колокола!» так и вовсе поэма о музыке, о любви... И теперь уже рекем прославленному пианисту Вану Клиберну, этому русскому американцу...

Хотел же Анатолий Вениаминович, чтобы хуторской берег под буграми всё больше приспособлялся к обновляемой жизни. И если бы не Калинин, кто знает, сколько бы здесь осталось в живых казачьих куреней с той поры, когда после круговерти фронтов он помелеховски потянулся к земле, к дому... Так же, как и создавал свои книги, он радел за преображение Пухляковки. Дорога, музыкальная школа, картинная галерея... Обозначена лишь толика сотворённого Калининным для земляков.

Вполне возможно, что люди стали тянутся к донскому хутору, имея в виду знаменитого писателя, хотя и своему возвеличиванию тот всегда противился. Для него было смертной мукой терпеть официоз и величания. А как же хотелось заезжим отметиться, причаститься!.. Да и по сию пору хочется. Дом-то калининский – хлебо-сольный завсегда и для всех.

Только Калинин выше этого.

Вот он сроднился навек с землёй, и здесь, на краю сада, замер ветер его путей-дорог, приметный, может быть, одним посвящённым.

Отсюда ветру, казалось бы, уже некуда идти. Но вдруг качнулась сосновая ветка, другая... И вроде бы чуть приоткрылась задняя калитка в углу сада. Внезапно пошли волнами рослые травы вдоль тропинки вниз, к Дону...

Через минуту-другую закачались тальники на острове.

...Розовым утром невесть откуда взявшийся тонконогий жеребёнок заходит в просветлённую воду у дощатых мостков. Пьёт своё отражение. Потом вскидывает голову, и лишние капли срываются блёстками с его губ.

Долго он не устоит на месте, и вот, забрасывая чуть ли не к голове лёгкую четвёрку ног, скачет радостным вихрем вдоль реки. Так и чудится, что за выгнутой шеей распускается на лету будущая солнечная грива.

Это же давнишняя мечта Анатолия Вениаминовича и его дочери Натальи, чтобы при семействе, вместе с иными «братьями меньшими», был свой конь – живая и понятливая душа!

И разве она не исполнилась? Ведь уже разлетелись с пухляковского берега на все стороны света те образы, что созданы вот здесь, в доме, где жила, живёт и будет жить любовь. Потому и притягивает людские души писательское суровое поле этого места над рекой судьбы.

*х. Пухляковский,
Ростовская обл*